

Сказки
лоскутного
одеяла

Елена К.

Елена К.

Сказки лоскутного одеяла

<https://litres.ru/74314543>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга, в которую хочется завернуться, как в любимое одеяло. Это история о девочке Лизе, которая учится видеть чудеса в обыденном: в шелесте листьев, мурлыканье кота Шурша, запахе яблочного варенья и тёплых словах, спрятанных в уголках дома. Вместе с Шуршем, Лиза собирает «лоскутки» счастливых мгновений — записывает их в «Книгу домашних чудес», делает открытки, находит старые записки. Эта книга — про то, как сохранять тепло внутри, когда за окном метель, и как даже самое тихое мгновение может стать чудом. Идеально для семейного чтения, для тех, кто любит уютные истории и верит, что волшебство живёт рядом.

Содержание

Все Главы	4
Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	16
Глава 4.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елена К.

Сказки лоскутного одеяла

Все Главы

Глава 1.

В одном тихом городке, где по вечерам фонари зажигались не все сразу, а по очереди — будто перешёптывались друг с другом, — жил мальчик Миша. Он был тихий, внимательный и очень не любил, когда что-то рвалось и терялось. Особенно — вещи, в которых чувствовалась чья-то забота.

У Миши было лоскутное одеяло. Не простое, а такое, что казалось, будто оно сшито не нитками, а воспоминаниями. Каждый лоскуток в нём был от чего-то родного: кусочек от старой маминой юбки, лоскут от дедушкиного плаща, яркий треугольник от платья бабушки, ещё один — от рубашки папы, когда он был совсем молодым. Бабушка говорила: «В этом одеяле — вся наша история, стежок к стежку, слово к слову».

Миша любил укрываться им перед сном и гладить пальцами разные ткани: гладкий ситец, шершавый лён, мягкую фланель. И каждый раз, когда он это делал, ему казалось, что одеяло чуть-чуть шепчет. Не словами, а скорее ощущениями: вот тут — запах свежей выпечки, вот тут — шум дождя по крыше, а вот тут — тёплое «всё будет хорошо», которое бабушка всегда говорила перед тем, как поцеловать его в лоб.

Однажды ночью поднялся сильный ветер. Он ворвался в

приоткрытое окно, взметнул занавески и сорвал одеяло с кровати. Миша вскочил, бросился к окну, но успел увидеть только, как лоскутки, один за другим, отрываются и уносятся в темноту, будто разноцветные птицы.

— Нет! — крикнул Миша, но ветер только засмеялся где-то в трубе и унёс последние кусочки.

Утром дом казался пустым и холодным. Бабушка погладила Мишу по голове и сказала: — Не плачь. Одеяло не просто ткань. Оно — память. А память не унесёшь ветром.

Но Миша всё равно грустил. Ему не хватало этого уютного шуршания, не хватало ощущения, что он не один.

Тогда он решил: если одеяло улетело, он соберёт его заново.

Он пошёл по соседям, по родным, по всем, кто знал его семью. Он просил не новые ткани, а кусочки старых вещей — те, что хранят тепло и историю. Тётя отдала лоскут от своего первого фартука, дядя — кусочек старой куртки, в которой он ходил на рыбалку с Мишиным папой. Даже соседка, которая редко с кем разговаривала, молча протянула ему кусочек вышитого полотенца: «Это от моей мамы. Пусть будет».

И Миша сел за стол, взял иголку с ниткой и начал шить. Он не старался сделать всё ровно и одинаково — наоборот, ему нравилось, что лоскутки были разные: одни потёртые, другие яркие, одни гладкие, другие колючие. Каждый стежок был как слово: «ты не один», «мы помним», «мы рядом».

Когда одеяло было готово, Миша укутался в него и вдруг

почувствовал, что оно стало даже теплее прежнего. Потому что теперь в нём было не только прошлое, но и настоящее — все те люди, которые откликнулись, когда ему было грустно.

А ночью, когда ветер снова заглянул в окно, одеяло тихо прошептало: «Я здесь. И я никуда не уйду».

На следующую ночь ветер вернулся — но теперь он не рвал, а будто принимался к новому одеялу, скользил по швам, трогал уголки и никак не мог понять, почему оно не улетает.

А одеяло и правда стало другим. Не просто тёплым — а будто живым.

В ту же ночь Мише приснился странный сон: он шёл по знакомой улице, но она была не такой, как обычно. Фонари горели не жёлтым, а серебристым светом, а вместо асфальта под ногами лежала дорожка из стежков — будто кто-то прошёл саму ночь. И впереди, у старого моста, сидел кот — не обычный, а сшитый из лоскутков, как игрушечный, только тёплый и настоящий. Кот посмотрел на Мишу зелёными глазами и сказал:

— Ты его сшил. Теперь оно тебя зовёт.

Миша проснулся резко, будто кто-то позвал его по имени. Он сел на кровати, натянул одеяло до подбородка — и вдруг почувствовал, как оно чуть-чуть потянуло его в сторону, мягко, но настойчиво, словно шептало: «Вставай. Надо кое-что найти».

Он не испугался. Наоборот, ему стало любопытно. Он на-

кинул куртку, сунул в карман фонарик и вышел во двор. Ночь была тихой, только где-то далеко лаяла собака, да ветер шуршал в кустах.

И тут одеяло сделало нечто удивительное: один из лоскутков — тот самый, от дедушкиного плаща — вдруг засветился тусклым коричневым светом, как уголёк в печке. Миша замер. Лоскуток не просто светился — он будто указывал направление.

Миша пошёл туда, куда тянуло одеяло. По переулку, мимо закрытого киоска, за угол, к заброшенному домику на краю города. Дом был старый, с покосившейся крышей и окнами, затянутыми паутиной. Но у крыльца лежала маленькая кучка лоскутков — точно таких же, как в одеяле. Они не улетели. Они ждали.

Только Миша протянул руку, чтобы их поднять, как из темноты вышла девочка в вязаной шапке.

— Не трогай, — сказала она строго, но голос у неё дрожал. — Они не просто тряпочки. Они... держат дом.

Оказалось, что девочка, её звали Ася, жила тут с бабушкой, и дом потихоньку рассыпался. А лоскутки эти были не случайными: бабушка собирала их годами, пришивала к углам дома, к дверным косякам, к подоконникам — и дом держался. Пока лоскутки были на месте, ветер не мог его развалить.

— А почему они тут лежат? — спросил Миша.

— Бабушка вчера сказала, что дом уже не спасти. Сказа-

ла, что надо уходить. И сняла их... А теперь дом будто обижается. Скрипит и стонет по ночам.

Миша посмотрел на одеяло, потом на лоскутки, потом на Асю. И вдруг понял: его одеяло — не просто про память. Оно умеет соединять.

— Давай их пришьём обратно, — предложил он. — А я помогу. У меня нитки крепкие. И ещё... у меня есть одеяло, которое шепчет. Может, оно подскажет, где дом больше всего болит.

Ася посмотрела на него с подозрением, но в глазах мелькнуло облегчение.

Они работали до рассвета. Миша держал фонарик, Ася пришивала лоскутки туда, где доски расходились, где щели становились шире. А одеяло время от времени чуть-чуть дёргалось Мишу за край — и он показывал Асе: «сюда, тут трещина», или «тут угол проседает».

К утру дом перестал скрипеть. Он будто вздохнул и устроился поудобнее. А когда первые лучи солнца упали на крыльцо, лоскутки на стыках досок засветились тёплым, спокойным светом — не ярко, а так, как светится чашка горячего чая в холодный день.

Ася улыбнулась впервые за долгое время.

— Спасибо, — сказала она. — Я думала, что мы всё потеряли.

— Ничего не теряется навсегда, — тихо ответил Миша, кутаясь в одеяло. — Просто иногда вещи прячутся, чтобы

мы их снова нашли. Вместе.

Глава 2.

После того как дом перестал скрипеть, в городке будто что-то щёлкнуло — как будто часы, которые долго стояли, наконец-то пошли.

На следующее утро Миша шёл по улице, и ему казалось, что город смотрит на него иначе. Скамейка у булочной будто приглашала присесть, фонарь кивал, а даже мусорный бак у аптеки выглядел не угрюмым, а просто усталым и будто надеялся, что его подвинут и скажут: «Ты тут нужен».

А одеяло... оно теперь не просто шептало. Оно иногда тихонько напевало. Не словами, а звуком — вроде того, как мурлычет кот или как поёт чайник перед тем, как закипеть. И этот звук был разным в зависимости от лоскутка: от дедушкиного плаща шло низкое, ровное «у-у-у», от бабушкиного платья — лёгкое «ля-ля», а от папиной рубашки — что-то бодрое, почти как шаг.

В тот день Миша зашёл к Асе. Дом и правда выглядел иначе: не новым, но живым. Будто он наконец-то выдохнул и сказал: «Я тут. Я остаюсь». Ася сидела на крыльце и держала в руках старую жестяную коробочку.

— Знаешь, что тут было? — спросила она, приоткрыв крышку. Внутри лежали нитки, булавки и один совсем крошечный лоскуток — серый, потёртый, будто его тысячу раз

гладили ладонью.

— Похоже на кусочек от пальто, — сказал Миша.

Ася кивнула.

— Бабушка говорила, что это от её первого пальто, когда она только приехала в город. Она тогда была совсем одна, и ей казалось, что даже дома смотрят на неё косо. А потом она начала пришивать лоскутки. Не чтобы чинить, а чтобы сказать: «Я тоже тут. Я часть этого места».

Миша сел рядом и прислонился плечом к перилам. Одеяло тихо звякнуло, будто согласилось.

И тут случилось странное.

Серый лоскуток в коробочке вдруг дрогнул. Совсем чуть-чуть, как будто его потянуло. Потом приподнялся, словно хотел улететь, но вместо этого потянулся к одеялу Миши — и прирос к нему, будто всегда там был.

Одеяло вздрогнуло, как от неожиданного прикосновения, а потом стало теплее. И Миша вдруг увидел не крыльцо и не улицу, а другую картину: ту же самую улицу, но много лет назад. По ней шла девочка в сером пальто — совсем как Ася, только моложе. Она несла в руках узелок и всё время оглядывалась, будто боялась, что город её не примет. Но потом она остановилась, достала иголку с ниткой и пришила маленький лоскуток к фонарному столбу. И фонарь тут же загорелся — не жёлтым, а тёплым, почти золотым.

Картинка исчезла так же быстро, как появилась. Миша моргнул. Ася смотрела на него с тревогой.

— Ты что-то увидел? — спросила она.

Миша кивнул.

— Твою бабушку. Когда она только приехала. Она пришила лоскуток, и фонарь загорелся.

Ася ахнула.

— Значит, это правда... Бабушка говорила, что лоскутки умеют хранить не только тепло, но и моменты. Что если собрать их правильно, можно вспомнить то, что уже почти забылось. Или даже помочь чему-то случиться снова.

Миша задумался.

— А если так... может, мы можем не только вспоминать, но и чинить не только дома, а... чувства? Ну, знаешь, когда кому-то грустно, и кажется, что весь мир отвернулся. Может, лоскуток может это поправить?

Ася улыбнулась, и улыбка у неё была такая, будто в ней спряталось солнце.

— Давай попробуем.

Они решили начать с малого. Первым делом пошли к старушке Марфе, которая жила на углу и всё время ворчала, что город стал чужим, а люди — торопливыми. У неё на крыльце висела старая занавеска, вся в пятнах и дырочках. Миша и Ася аккуратно сняли её, выбрали самые тёплые лоскутки из одеяла (не отрывая, а будто «одалживая» тепло) и пришили их к занавеске так, чтобы они легли, как солнечные пятна.

Когда занавеска снова повисла, она вдруг перестала выглядеть потрёпанной. Она стала похожа на карту счастливых

дней: тут — пятно от пролитого компота, там — след от кошачьей лапы, а теперь ещё и лоскутки, которые будто говорили: «Это всё важно».

Старушка Марфа вышла, посмотрела на занавеску, потом на Мишу и Асю, и вдруг её лицо разгладилось, как будто кто-то стёр морщинки одним мягким движением.

— Красиво, — сказала она тихо. — Я и забыла, как тут бывает красиво.

И, что самое удивительное, с того дня она перестала ворчать. Вместо этого она стала рассказывать истории: про то, как раньше по утрам звонили колокола, про то, как на площади продавали горячие пирожки, про то, как город когда-то был маленьким, но очень дружным.

А Миша понял одну вещь: одеяло не просто показывало воспоминания. Оно помогало им вернуться туда, где им было место.

Но в тот же вечер, когда солнце уже садилось, а тени становились длинными, Миша заметил кое-что тревожное. Один лоскуток — тот, что от маминой юбки, — стал тускнеть. Не просто темнеть, а будто терять цвет, как фотография, которую слишком долго держали на солнце. И от него шло не тепло, а лёгкий холодок.

Миша коснулся его, и ему снова привиделось — но на этот раз не воспоминание, а предупреждение: по городу шёл человек в длинном тёмном пальто. Он не смотрел по сторонам. Он собирал лоскутки. Не для того, чтобы чинить, а для того,

чтобы прятать. Чтобы люди забыли.

Одеяло тихо застонало, как будто ему было больно.

Миша обернулся к Асе, которая как раз рассказывала что-то про бабушку, и прошептал:

— Нам надо быть осторожнее. Кто-то хочет забрать память.

Глава 3.

С каждым днём город будто сбрасывал с себя серую пыль.

Миша и Ася теперь ходили не просто так, а с маленькой корзинкой: в ней лежали лоскутки, нитки, иголки — и, конечно, одеяло, которое стало их главным помощником. Оно не тянуло их наугад: иногда оно вздрагивало у одного дома, иногда тихо напевало у другого, а порой просто становилось тяжелее — и Миша понимал: тут кому-то особенно нужна память.

Они чинили не только вещи. Они чинили дни.

У сапожника Ивана Петровича разваливались старые коробки с карточками заказов — бумажные, пожелтевшие, на которых люди когда-то записывали: «к свадьбе», «к первому сентябрю», «чтобы мама улыбнулась». Коробки рассыпались, и Иван Петрович всё вздыхал: «Всё забывается. Даже то, что было важным». Миша и Ася пришили к крышкам коробок лоскутки — один от бабушкиного платка, другой от старой рубашки Ивана Петровича, которую он носил, когда только открыл мастерскую. И вдруг коробки перестали рассыпаться. А ещё — на одной из карточек проявились стёртые буквы: «...чтобы мама улыбнулась». Иван Петрович долго смотрел на них, потом сел на табурет и тихо сказал:

— Я помню. Я тогда сапоги делал для неё. Она сказала,

что в них можно танцевать.

И в тот же вечер он достал старую пластинку, поставил её на проигрыватель, и из окна мастерской доносился не стук молотка, а музыка.

А у библиотечарши Лидии Семёновны книги падали с полок сами по себе, будто им было тяжело стоять. Ася сказала: «Это не от сырости. Это от того, что их перестали читать. Они грустят». Тогда они с Мишей пришли к корешкам самых старых книг маленькие лоскутки — совсем незаметные, как закладки. И книги будто выпрямились. А на следующий день в библиотеку пришла девочка, которую никто не видел в городе уже много лет — она уехала, а теперь вернулась. Она подошла к полке, провела пальцем по корешку и сказала: «Я эту читала, когда была маленькой. Тут про дракона, который боялся высоты». И Лидия Семёновна вдруг вспомнила: «А я тебе её и дала. Ты сказала, что если дракон боится, но всё равно летит — значит, он храбрый». Девочка улыбнулась, и в библиотеке стало светлее.

Одеяло радовалось. Оно теперь не просто шептало — оно иногда тихонько звенело, как бубенчик, когда получалось вернуть хоть крупинку тепла.

Но тёмный человек не сдавался.

Однажды Миша заметил его у старого моста — тот стоял, не шевелясь, и смотрел, как ветер гонит по тротуару обрывки бумаги. Миша хотел было подойти, но Ася схватила его за рукав:

— Не надо. Он питается тем, что забывают. Чем больше мы возвращаем, тем слабее он становится. Видишь?

И правда: если раньше человек в тёмном пальто казался огромным, будто заслонял собой полнеба, то теперь он будто съёжился. Его плечи стали уже, тень — прозрачнее, а сам он всё чаще оглядывался, будто боялся, что его не заметят.

Город потихоньку учился помнить.

На площади, где давно не зажигали фонари, вдруг загорелся один — тот самый, к которому когда-то пришла лоскуток бабушка Аси. Потом загорелся второй. Потом третий. Люди останавливались, смотрели на свет и вдруг вспоминали: «А раньше тут собирались», «А тут продавали горячий шоколад», «А тут кто-то всегда играл на гитаре». И кто-то достал гитару, кто-то принёс термос с какао, и площадь снова стала местом, где хочется быть.

Даже старушка Марфа, которая раньше только вздыхала, теперь сидела на скамейке и говорила: «Я помню, как тут цвели липы. Их было так много, что казалось, будто город пахнет мёдом». И люди кивали: «Да, было». И воздух и правда будто становился слаще.

А лоскуток от маминой юбки, который раньше тускнел, снова засиял. Тёпло-розовым, как закат. Одеяло вздохнуло спокойно, будто сказало: «Всё на своих местах».

В один вечер, когда фонари горели особенно ярко, а на площади кто-то тихо играл на губной гармошке, Миша и Ася сидели на краю тротуара и смотрели, как город дышит.

— Знаешь, — сказала Ася, — я думала, что память — это как сундук: открыл, достал, посмотрел и закрыл. А она... она живая. Она хочет, чтобы её вспоминали.

Миша кивнул и кутался в одеяло.

— И она не теряется навсегда. Просто прячется, пока кто-нибудь не скажет: «Я тебя ищу».

Тёмный человек стоял в дальнем конце площади. Он смотрел на свет, на людей, на то, как они улыбаются, вспоминая что-то своё. И вдруг он поднял руку — но не чтобы забрать, а чтобы поправить воротник пальто. Потом он медленно развернулся и пошёл прочь. И с каждым его шагом тень становилась всё прозрачнее, пока не растворилась совсем.

А город продолжал вспоминать.

Глава 4.

День праздника назначили на воскресенье, когда солнце встаёт так мягко, будто специально старается никого не разбудить резко. По всему городу расклеили объявления, написанные от руки: «Приноси лоскуток — хоть маленький, хоть большой. Пусть он будет от чего-то своего: от старой рубашки, от скатерти, на которой пекли пирог, от занавески, что видела тысячу закатов. Мы сошьём одно большое полотно — и пусть оно укроет весь город».

Сначала люди приходили с сомнением. Кто-то приносил аккуратный квадратик, будто стеснялся, что это слишком мало. Кто-то — целый отрез, потемневший от времени, и говорил: «Это от маминого платья. В нём она ходила на танцы». А старушка Марфа принесла не ткань, а старую перчатку — одну, левую.

— Я её не разрежу, — сказала она твёрдо. — Но пусть будет тут. Пусть помнит, как я держала её чашку по утрам.

Миша и Ася не спорили. Они просто аккуратно пришили перчатку к краю полотна, будто это был самый важный кушочек.

Полотно расстелили прямо на площади — сначала оно было маленьким, как плед, а потомросло, будто дышало. К нему подходили люди, клали свои лоскутки, кто-то тихо рас-

сказывал историю: «Этот ситец был на занавеске, когда родился мой сын», «А это от школьной формы — я её так берегла, что доносила до дыр». И с каждым новым кусочком полотна становилось не просто больше — оно становилось теплее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.